

Б.Н. Флоря

РОССИЯ И КАЗАЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1625 г.

В истории и Украины и Польско-Литовского государства в целом восстание 1625 г. было важным событием. Располагавшееся на землях Среднего Поднепровья казацкое войско отказалось подчиниться решениям верховного органа власти — сейма 1623 г. о своем роспуске и проявило готовность оказать вооруженное сопротивление польской армии, которая силой должна была провести решение сейма в жизнь. Для темы русско-украинских отношений важно, что восстание 1625 г. сопровождалось такими событиями, когда, как справедливо отметил классик украинской историографии М.С. Грушевский, была предложена «перша пропозиція переходу України під царську зверхність — інтересна, як перша рекогносціровка пізніше довершеного перевороту»¹.

Такое предложение исходило от собравшегося в Киеве православного духовенства и его главы — митрополита Иова Борецкого. Нараставший конфликт между властями Речи Посполитой и казачеством грозил и этому духовенству серьезной опасностью. Как известно, восстановление пра-

¹ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. VII. Козацькі часи до р. 1625. Київ; Львів, 1909. С. 524.

Митрополит Иов Борецкий. Изображение XIX в.

вославленной иерархии в Киевской митрополии в 1620–1621 гг. произошло при активной поддержке казачества и вопреки желанию властей Польско-Литовского государства. Уже в марте 1621 г. последовали распоряжения об аресте новых православных иерархов. Они подлежали аресту, как посвященные в сан агентом османов — иерусалимским патриархом, чтобы во время войны между Речью Посполитой и Османской империей вызывать в стране волнения, как шпионы и нарушители порядка². В таких условиях православные митрополит и епископы вынуждены были находиться в Киеве, по выражению Иова Борецкого, «криющихся под крыле христоролюбивого воинства черкасских молодцов»³, то есть казаков. Понятно, какими опасностями грозил для этого круга лиц поход польской армии на Украину.

Серьезность положения стала ясной, когда сейм 1623 г. принял свои решения и когда казаки заявили, что этим решениям не подчинятся. В это время в Киеве побывал архимандрит Варлаам из Стародуба. Здесь он встречался с Иовом Борецким. Как Варлаам сообщал в Москву, митрополит говорил ему, что, если казаки «не осидеют ляхов», они пойдут служить царю

² См. текст такого распоряжения относительно владими́ро-волинского епископа Иосифа Курцевича в кн.: Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 6. Киев, 1883. № СХСVII.

³ См. об этом в грамоте Борецкого царю Михаилу — Воссоединение Украины с Россией (далее — ВУР). Документы и материалы: В 3 т. Т. I (1620–1647 гг.) М., 1954. № 22. С. 47.

«и я, де, их не остану»⁴. В дальнейшем в Киеве попытались избежать создания такой критической ситуации.

Во второй половине 1624 г. в Киеве было принято важное решение обратиться за помощью и поддержкой к русскому правительству, не дожидаясь начала карательной акции властей. Посольство во главе с одним из новопоставленных иерархов — епископом Луцким Исаакием Борисковичем направилось из Киева в Москву в августе 1624 г.⁵ 4 января 1625 г. царь Михаил Федорович принял Исаакия, который поднес ему часть находившихся в Киеве мощей святой Варвары⁶. На приеме епископ передал царю грамоту Иова Борецкого. В грамоте глава Киевской митрополии обращался к Михаилу Федоровичу, как «многодержавному царю... своему премилостивому владыце и благодетелю»⁷. Тем самым он ясно давал понять, что своим настоящим государем он считает царя, а не главу Речи Посполитой короля Сигизмунда. В грамоте говорилось о тяжелом положении православных епископов, которых «от престол, от мест и от обителей наших изгнаша», и о том, что власти Речи Посполитой «меч на православных обостриша». Чего же хотел при таком положении дел Иов Борецкий от царя?

Говоря о восточных славянах — жителях Речи Посполитой, как «единоутробных» того же «российского племени», что и царь, он просил, чтобы русский монарх помог православному духовенству и этим «юнейшим ти братьям» — «щедротами ти милостию и промыслом о свободе обою»⁸, то есть и духовных лиц и восточнославянских жителей Польско-Литовского государства. Представление об этническом родстве всех восточных славян, как единого «российского племени» «родом плоти и родом духа», выражено в послании Борецкого очень определенно, но этого нельзя сказать о высказанных в нем пожеланиях.

Их содержание помогла бы раскрыть запись переговоров епископа Исаакия в Москве. Такие переговоры действительно имели место. С епископом беседовали глава Посольского приказа думный дьяк И.Т. Грамотин и двоюродный брат царя и глава правительства князь И.Б. Черкасский⁹, что указывает на важность обсуждавшихся вопросов. В описи архива Посоль-

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Приказной стол. С. 10. Л. 260.

⁵ 24 августа датирована грамота Борецкого царю (ВУР. Т. 1. С. 48).

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1624 г. № 10. Л. 23, 29.

⁷ В другой грамоте, адресованной царю и патриарху Филарету, митрополит обращался к патриарху, как к «господину отцу и пастыру своему» (ВУР. Т. 1. № 23. С. 48).

⁸ Там же. № 22. С. 47.

⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1624 г. № 10. Л. 41.

Киев. Немецкая гравюра XVII в.

ского приказа 1626 г. отмечена «Выписка, что говорить речь Исаию епископу луцкому, как будет у боярина у князя Ивана Борисовича Черкасского да у дьяка Ивана Грамотина», написанная собственноручно главой Посольского приказа¹⁰. Текст этот сохранился лишь в заключительной части и содержит ответ на сделанные предложения. Наблюдения над текстом этого ответа позволяют в известной мере судить о их содержании.

Так, в ответе упоминалась просьба епископа, «если поляки наступят вскоре» и «митрополит и епископы и Войско Запорожское ... поедут на государское имя, и государь бы их пожаловал, отринуть не велел»¹¹. Появление такой просьбы в сложившемся положении вполне понятно и не нуждается в комментариях. Но это были предложения на крайний случай. Обращают на себя внимание приведенные в ответе слова епископа, что «казаков столко не будет, что им стоять против поляков собою без помочи»¹². О такой «помощи», то есть о выступлении русской власти в поддержку казаков в их войне с Речью Посполитой, епископ, очевидно, и просил. Это и был бы с русской стороны «промысл о свободе», то есть освобождении от чужой, «польской» власти.

¹⁰ Описание архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печати В.И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1. С. 368.

¹¹ Грушевський М.С. Історія... Т. VII. С. 524.

¹² Там же. С. 523.

Станислав Конецпольский. *Портрет XVII в.*

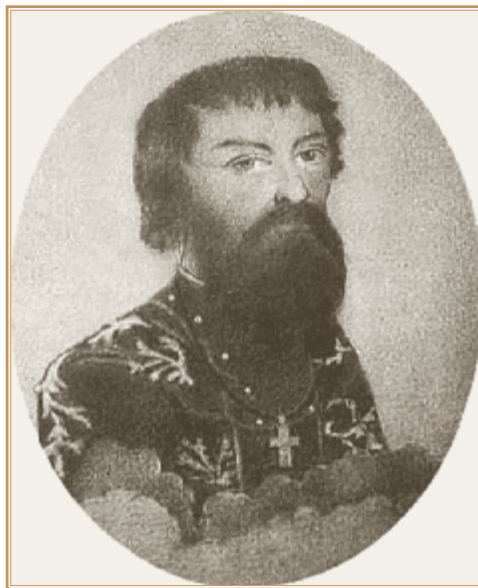
На эти предложения русское правительство, как известно, не дало положительного ответа. Если просьба о предоставлении убежища была удовлетворена, то относительно просьбы о военном вмешательстве в ответе говорилось: «ныне царскому величеству того дела всчати нельзя, потому, что у вас еще о том укрепенья нет»¹³. Смысл этого высказывания понятен. Предлагая оказать помощь казачеству в его войне с властями Речи Посполитой, киевский посол не представил каких-либо документов, которые бы исходили от казачества и содержали его просьбы о помощи. К тому же, как выяснили у епископа его собеседники, «Войско Запорожское идет на весну на турецкого морем»¹⁴. Кого бы тогда могло поддержать пришедшее на Украину русское войско?

Вместе с тем на этом переговоре не заканчивались. В ответе указывалось: «А нечто впредь вам от поляков в вере будет утеснение, и у вас против них будет соединенье и укрепление, и вы о том вперед царскому величеству и святейшему патриарху ведомо учините»¹⁵. Исаакий со своей стороны в ответ заверял, «что у них та мысль крепка, что они все государской милости ради и под государской рукой быть хотят и о том советовать меж собою

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Иван Грамотин (предположительно).
Изображение первой половины XVIII в.

будут»¹⁶. Представляются справедливыми соображения М.С. Грушевского¹⁷, что посольство из Киева должно было подготовить почву для будущих переговоров. В этих условиях само согласие русской стороны обсуждать такую тему было ценным результатом, а для царя и его советников было важно, что с предложением о помощи православным в Речи Посполитой к ним обратился сам киевский митрополит.

28 мая 1625 г. в Путивль прибыли новые посланцы киевского митрополита Василий Полочанин и Данило Балакирев, которые привезли с собой «изустной приказ» Иова Борецкого¹⁸. Они сообщили, что уже начинается война. Гетман С. Конецпольский идет с войском к Белой Церкви «на казаков запорозских». Они же сказали, что казаки не пошли за море, «а стоят в Крылове»¹⁹. Таким образом, казацкое войско находилось на Украине и взаимодействие с ним становилось возможным.

Запись их переговоров в Москве не сохранилась, но обсуждались явно важные вопросы, так как 15 июня 1625 г. с простыми гонцами беседовали И.Б. Черкасский и И.Т. Грамотин²⁰. Запись их бесед «носили за Иваном Гра-

¹⁶ Там же. С. 524.

¹⁷ *Грушевський М.С. Історія... Т. VII. С. 524.*

¹⁸ РГАДА. Ф. 124. 1625 г. № 3. Л. 1–3.

¹⁹ Там же. Л. 3–4.

²⁰ Там же. Л. 9.

мотиным в доклад» к царю и патриарху²¹. Результат переговоров неизвестен, но следует отметить, что, судя по отписке путивльских воевод, гонцы привезли с собой только грамоты митрополита к царю, патриарху, боярину И.М. Воротынскому и И.Т. Грамотину²². Никакого коллективного обращения с ними не было.

Когда польская армия выступила в поход и начались военные действия, 29 сентября в Киеве собралась казацкая рада, на которой присутствовал русский агент на Украине путивльский сын боярский Григорий Гладкий. Участники рады обратились к митрополиту, спрашивая, «стоять ли им против гетмана». Иов Борецкий советовал сражаться, если хватит сил, а если сил не хватит, то «они б, де, казаки били челом о помочи и писали тебе, государю», — сообщал Г. Гладкий²³. Митрополит, таким образом, продолжал следовать избранной им политической линии.

Новую попытку добиться русского вмешательства Иов Борецкий предпринял в конце 1625 г. уже по окончании восстания и после заключения Куруковского договора между властями Речи Посполитой и Войском Запорожским. 2 декабря 1625 г. в Путивль приехали посланцы митрополита казак Сава Сафонов Савицкий и священник Филипп из Михайло-Архангельского монастыря, киевской резиденции Борецкого²⁴. Поп Филипп сообщил, что по заключенному договору в казацком войске должно быть всего 6 тысяч человек и многих людей «от козачества отставливают» и эти люди хотят обратиться к царю, чтобы тот «велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков», а они «города литовские станут очищать»²⁵. Более важное поручение получил С. Савицкий, который должен был остаться на службе в России. Митрополит через него предлагал выехавшему к этому времени в Россию владими́ро-волы́нскому епископу Иосифу Курцевичу написать «к полковнику казацкому к Олиферу», что бы тот собрал людей, «которых от козачества отставливают», и стал вместе с ними «бити челом государю». Посланец выражал уверенность, что, если царь окажет им помощь, они принесут присягу на верность «и города литовские станут очищать в твое государево имя»²⁶.

²¹ Опись... Ч. 1. С. 378.

²² РГАДА. Ф. 124. 1625 г. № 3. Л. 2–3.

²³ Флоря Б.Н. Киевская митрополия, Россия и казацкое восстание 1625 года // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1999. С. 148.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 55–56.

²⁵ ВУР. Т. I. № 31. С. 62.

²⁶ Флоря Б.Н. Киевская митрополия. С. 149–150.

Владислав Ваза в юности. *Портрет начала XVII в.*

Имя Олифера Голуба появилось здесь не случайно. Избранный в гетманы «черню» после смерти Сагайдачного, он был одним из главных руководителей восстания 1625 г.²⁷ Он не принял условий Куруковского мира и зимой 1625/26 г. во главе четырехтысячного отряда казаков ушел в Крым²⁸. Предложения Борецкого опирались на хорошее знание настроений в казачьей среде, но уход Олифера Голуба в Крым говорит о том, что осуществлены они не были.

Таким образом, в конце 1624-го — в 1625 г. киевская митрополичья кафедра настойчиво добивалась, чтобы русская власть вмешалась в происходившие события, выступив на защиту и казаков и православной церкви. Вместе с тем очевидно, что навстречу этим предложениям в Москве не пошли. Почему? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть, как складывались в это время отношения русского правительства с украинским казачеством и что знали в Москве этого времени о казаках, их действиях и представлениях.

После похода казачьего войска во главе с гетманом Петром Сагайдачным на Москву в 1618 г. никаких дружественных отношений между русским правительством и украинским казачеством не было. Правда, в 1620 г. послы Сагайдачного побывали в Москве, но царь их не принял, а пропустившие послов путивльские воеводы получили суровый выговор

²⁷ Грушевський М.С. Історія... Т. VII. С. 492–493, 527, 546.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 336, 370.

из Москвы²⁹. Очевидно, понимая это, православные иерархи стремились создать благоприятные условия для возобновления контактов между русской властью и казачеством. В ответе на предложения Исаакия упоминалось челобитье митрополита и епископов простить запорожцам их действия в годы Смуты и «впредь не памятовать». Царь ответил на эту просьбу согласием, «а они б за то царскому величеству служили»³⁰.

О таком решении русских политиков Исаакий Борискович, возвращаясь из Москвы в феврале — начале марта 1625 г.³¹, мог сообщить приехавшим в Путивль в феврале 1625 г. казацким послам³². На этот раз казацкие послы не только добрались до Москвы, но и были приняты царем 7 апреля 1625 г.³³ На переговорах, предшествовавших заключению Куруковского мира, представители властей Речи Посполитой требовали выдать им казацких послов в Москву и присланные оттуда царские грамоты, а казаки заявили, что посылали в Москву, чтобы по обычаю получать там жалованье за службу³⁴. Последовавшие затем поездки казацких послов в Россию с пленными татарами за жалованьем говорят о том, что заявление казаков на переговорах соответствовало действительности³⁵. Очевидно, прибывшее в Москву казацкое посольство сумело добиться восстановления отношений существовавших между Войском Запорожским и Россией до Смуты, когда казакам высылались жалованье за защиту южных границ России от татар.

Под влиянием поступавших из Киева предложений в Москве, по-видимому, начинали рассматривать казачество, как силу, которая в будущем могла бы способствовать присоединению восточнославянских земель к Русскому государству. Вероятно, мимо внимания русских политиков не прошло сообщение посланцев из Сечи, что по просьбе митрополита гетман Каленик прислал в Киев двух полковников, которые «переимали» войта Федора Ходыку и других киевских мещан, сторонников унии³⁶.

Вместе с тем в Москве не могли не заметить, что в отличие от епископа Исаакия посланцы не сделали никаких резких высказываний относитель-

²⁹ РГАДА. Ф. 123. 1620 г. № 5. Л. 14—14 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 124. 1625 г. № 1. Л. 2.

³¹ РГАДА. Ф. 52. 1624 г. № 10. Л. 80 и сл.

³² О времени их приезда см.: ВУР. Т. I. № 24. С. 50.

³³ Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. I. С. 172.

³⁴ Грушевський М.С. Історія... Т. VII. С. 547—549.

³⁵ Такое посольство приехало в феврале 1627 г. (РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 104—104 об.).

³⁶ ВУР. Т. I. № 24. С. 52.

Сигизмунд III Ваза. Портрет работы Я. Трошеля, 1610-е гг.

но порядков в Речи Посполитой. Они рассказывали о приезде в Сечь выступившего против османов крымского царевича Шагин-Гирея, с которым запорожцы договорились «турского земли воевать заодно». По их словам, и королевские посланцы везут в Сечь приказ «нынешние весны идти морем и сухим путем турского земли воевать»³⁷. Если в Киеве боялись прихода польской армии, то в Сечи явно думали, что перспектива большой войны с Османской империей отодвинет на задний план вопрос о роспуске казачьего войска. За свое участие в военных действиях против османов и татар казаки рассчитывали получить жалованье и из Москвы.

Такая война не соответствовала русским внешнеполитическим планам, так как в Москве в то время Османскую империю рассматривали как одного из возможных союзников в борьбе с Речью Посполитой, но здесь учитывали, что установленные связи могут пригодиться, когда начнется военное противостояние и настроения казаков изменятся. Для таких расчетов были определенные основания. Уже в 1621 г. путивльские воеводы сообщали о настроениях в войске, собравшемся для участия в Хотинской войне, о выдвигаемых в этой среде предложениях «засесть» Киев и другие города и служить с этими «городами» царю³⁸. Располагали в Москве и свидетельствами о реакции казаков на решения сейма 1623 г. о роспуске войска. Казаки, как сообщал архимандрит Варлаам, говорили, обращаясь к королю:

³⁷ Там же. С. 51–52.

³⁸ Там же. С. 17.

«если, де, ты, государь, на нас наступаеш, уступим тебе, пойдём служить московскому государю»³⁹.

Действительно, такие настроения снова появились в казацкой среде, когда начались военные действия. Целый ряд относящихся к этому времени свидетельств говорит и о надеждах найти убежище в России, если победят «ляхи», и о возможности перехода под власть царя вместе с «городами»⁴⁰. Сохранилось даже свидетельство о попытке казаков вступить с этой целью в контакты с русскими властями. В Вязьме был записан рассказ выходца из Речи Посполитой о том, что, когда казацкое войско во главе с Олифером Голубом «стояло на реке на Суле в Наливайковском таборе», оттуда в соседний русский Белгород было отправлено посольство во главе с черкасским полковником Серебряным. По словам выходца, оно должно было сообщить о намерениях казаков «от Полские земли отстать и отъехать к Московскому государству со всем войском»⁴¹. К сожалению, отсутствие относящихся к тому времени отписок воевод Белгорода не позволяет ни принять, ни опровергнуть это известие. Зато не вызывает никаких сомнений свидетельство Г. Гладкого о казацкой раде, собравшейся 29 сентября в Киеве, где митрополит, как уже отмечалось выше, предложил казакам просить царя о помощи и перейти под его власть. В истории контактов между Россией и восточнославянскими землями Речи Посполитой это было важное событие. Впервые вопрос о разрыве с Речью Посполитой и переходе под русскую власть официально обсуждался на большом собрании казаков. Как сообщал Г. Гладкий, на раде «запорозкие лутчие люди» выступали за то, чтобы «им договоритца з гетманом», и рада разошлась, не приняв решения. Решение было отложено до соединения собравшегося войска с казаками, идущими на помощь из Сечи⁴².

Рассмотрение всей совокупности свидетельств о настроениях и представлениях казаков накануне и во время восстания позволяет полагать, что рада не приняла решения о переходе на русскую сторону не только из-за сопротивления казацкой верхушки. Хорошо известны свидетельства враждебного отношения казаков к магнатам — представителям власти на украинских землях. В них видели враждебную силу, желавшую превратить казаков в своих подданных, «ляхов», желавшую навязать им свою католическую веру. Им приписывались и более зловецкие планы. Так, летом 1625 г.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. С. 10. Л. 259–260.

⁴⁰ ВУР. Т. I. № 26–27; РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. С. 8. Л. 194–195; Приказной стол. С. 2518. Л. 121, 126.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. С. 8. Л. 36.

⁴² Флория Б.Н. Киевская митрополия. С. 148.

Михаил Федорович Романов. Изображение XVII в.

распространился слух, что с польской армией на Украину идет большое количество немцев, которые будут поселены «на козачьих местах», когда «польские люди побьют казаков»⁴³.

Однако эта враждебность не распространялась на все Польско-Литовское государство. Даже относительно главы государства — короля Сигизмунда часть казаков считала, что он не имеет отношения к происходящим событиям: войско против казаков нанимали «пань-рада на свои гроши бес королевского ведома»⁴⁴. Важное место в сознании казаков занимали представления, что в Речи Посполитой существуют дружественные казачеству силы, с помощью которых оно сможет добиться своих целей. Такие надежды связывались прежде всего с фигурой старшего сына короля Сигизмунда, королевича Владислава. Рассказывали, что он выехал к казакам «в поле», здесь королевич и казаки принесли друг другу присягу, и королевич «хочет ходить с черкасы войною»⁴⁵. В другом сообщении говорилось, что королевич собрал войско, «а стоит, де, с черкасы в своей русской вере»⁴⁶. Когда отношения властей с казачеством обострились, казаки возлагали надежды на помощь королевича⁴⁷ и литовского магната, польного гетмана Великого княжества Литовского К. Радзивилла. Рассказывали, что гетман готов ору-

⁴³ ВУР. Т. I. № 27. С. 56–57.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. С. 2518. Л. 122.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. С. 10. Л. 193.

⁴⁶ Там же. Л. 228.

⁴⁷ Там же. Л. 249, 252.

Кшиштоф Радзивилл. *Портрет XVII в.*

жием защищать «веру греческого закона» и что у него «ссылка о вере з запорскими черкасы, что им стоять о вере на полских людех вместе»⁴⁸. Распространялись слухи, что благодаря действию дружественных сил будет созван сейм, где «с Литвою Русь о вере помирятца», и «русские» земли в Речи Посполитой будут отданы в управление королевичу Владиславу⁴⁹. В 1625 г. Владислав находился в заграничном путешествии, но ходили слухи, что королевич «писал из Цысаревы земли, чтоб черкасы збирались нынешняго лета в Стародуб, а от него ждали вестей»⁵⁰.

Надежды на Владислава не имели под собой объективных оснований, но занимали видное место в сознании казачества не только в это время, но и в более поздние годы. Что касается К. Радзивилла, то литовский магнат–кальвинист был противником религиозной политики короля Сигизмунда III, и православное духовенство Киевской митрополии (в том числе и Иов Борецкий) искало у него помощи и поддержки, но, конечно, он был далек от того, чтобы соединять свои войска с отрядами казаков.

Иов Борецкий и люди его круга, как представляется, были свободны от таких иллюзий. О их попытках искать контактов с Владиславом ничего не известно. Контакты с К. Радзивиллом существовали, но они создавали реальное представление и о намерениях, и о возможностях литовского

⁴⁸ Там же. Л. 177.

⁴⁹ Там же. Л. 206.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. С. 8. Л. 89.

магната, находившегося в конфликте с двором. Отсюда — избранная ими линия поведения во время событий 1625 г. Возможно, были свободны от иллюзий Олифер Голуб и его сторонники, но у основной массы казаков господствовали другие представления. Поэтому во время восстания так и не последовало обращения казацкого войска в Москву. В таких условиях еще не оправившееся от последствий Смуты Русское государство не могло пойти навстречу предложениям киевского духовенства. Лишь когда после победы восстания Хмельницкого казачеству стала ясной тщетность надежд на существование в Речи Посполитой дружественных по отношению к нему сил, обозначился его решительный поворот в сторону сближения с Россией⁵¹.

⁵¹ Флоря Б.Н. Богдан Хмельницкий и Россия в 1648–1649 гг.: исторический поворот// Исторические записки. М., 2014. Вып. 15 (133).

REFERENCES

1. *Grushevs'kij M.S.* Istoriya Ukraini-Rusi. T. VII. Kozats'ki chasi do r. 1625. Kiiiv — L'viv, 1909.
2. *Kulish P.A.* Materialy dlya istorii vossoedineniya Rusi. M., 1877. T. I.
3. *Florya B.N.* Kievskaya mitropoliya, Rossiya i kazatskoe vosstanie 1625 goda //Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 7. Mezhhkonfessional'nye svyazi v stranakh Tsentral'noj, Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy. M., 1999.
4. *Florya B.N.* Bogdan Khmel'nitskij i Rossiya v 1648–1649 gg.: istoricheskij povorot // Istoricheskie zapiski. M., 2014. Vyp. 15 (133).

Ключевые слова:

Ключевые слова: казацкое восстание 1625 г., Иов Борецкий, украинно-российские отношения.

Boris N. Florya

RUSSIA AND THE COSSACK UPRISING OF 1625

The article discusses the emissaries sent by the Kiev Metropolitan Iov Boretsky to Moscow in 1625 with a plan to interfere and protect the Orthodox Church and the Cossacks during the uprising in Ukraine. In Moscow these proposals were declined because the Cossack leaders never fully developed a petition for help or adhering to the Rus. The majority of Cossacks still hoped to find allies within the Polish-Lithuanian Commonwealth, in order to attain their political goals.

Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института славяноведения